

The quite sober Bonesana is a transitional or realist of the Baskerville type, inspired by the later work of Pierre-Simon Fournier the Younger and the early work of Giambattista Bodoni.

It mixes, in the encyclopedic spirit of the 18th century, the rhythm of an already tempered baroque and a neo classical rigour that was not yet entrenched in the dryness of the didones. Matthieu Cortat designed Bonesana for a reedition of Cesare Beccaria's "Des Délices et des peines" (bilingual publication, ENS Éditions, Lyon, 2009), this typeface being inscribed in the philosophical spirit of the enlightenment,

where humanism and universalism do not seem to contradict one another.

Bonesana is available in roman and italic, and contains all of the characters necessary for a composition that requires the use of Greek or Cyrillic characters, and for the latin transliteration from Arabic and Sanskrit.

A nod to the 18th century, Bonesana also contains an inline titling version.

3

BONESANA FAMILY

BONESANA 240 PTS

Bon

BONESANA 120 PTS

esana Bo

BONESANA 60 PTS

nesana Βονεσανα

BONESANA 32 PTS

BONESANA *Bonesana* Бонесана

BONESANA 24 PTS

Bonesana Bonesana BONESANA BONESANA

BONESANA 16 PTS

Bonesana BONESANA Bonesana *Bonesana* Bonesana

INTRODUCTION

OWNERSHIP AND LICENCE

A typeface is created by a designer whose art is to transform an original typographic artwork into a computer file or files. As a consequence a typeface is – as a work – protected by laws pertaining to intellectual property rights and – as software – can not be copied and/or installed without first acquiring a nominative licence.

In no way, shape or form may a typeface be transmitted to a third party or modified. The desired modifications in the context of the development of a visual identity, can only be effected by the designer himself and only after acquisition of a written authorisation from 205TF.

The user of a 205TF typeface must first acquire of a licence that is adapted to his needs (desktop, web, application/epub, TV/film/videos web).

A licence is nominative (a physical person or business) and is non-transferable. The licensee can not transmit the typeface files to other people or organisations, including but not limited to partners and/or subcontractors who must acquire a separate and distinct licence or licences. The full text of the licence and terms of use can be downloaded here: Any person or entity found in breach of one or more terms of the licence may be prosecuted.

THE OPENTYPE FORMAT

The OpenType format is compatible with both Macintosh and Windows platforms. Based on Unicode encoding it can contain up to 65,000 signs* including a number of writing systems (Latin, Greek, Cyrillic, Hebrew, etc.) and numerous signs that allow users to create accurate and sleek typographic compositions

(small capitals, aligned and oldstyle numerals, proportionals and tabulars, ligatures, alternative letters, etc.). The OpenType format is supported by a wide range of software. The dynamic functions are accessed differently depending on the software used.

*A Postscript or TrueType typeface can contain no more than 256 signs.

SUPPORTED LANGUAGES

Afar	French	Malagasy	Silesian
Afrikaans	Gaelic	Malay	Slovak
Albanian	Gagauz	Maltese	Slovenian
Azerbaijani	German	Manx	Somali
Basque	Gikuyu	Maori	Sorbian
Belarusian	Gilbertese	Marquesan	Sotho
Bislama	Greenlandic	Moldavian	Spanish
Bosnian	Guarani	Montenegrin	Setswana
Breton	Haitian	Nauruan	Swati
Catalan	Haitian Creole	Ndebele	Swahili
Chamorro	Hawaiian	Norwegian	Swedish
Chichewa	Hungarian	Occitan	Tahitian
Comorian	Icelandic	Oromo	Tetum
Croatian	Igbo	Palauan	Tok Pisin
Czech	Indonesian	Polish	Tongan
Danish	Irish	Portuguese	Tsonga
Dutch	Italian	Quechua	Tswana
English	Javanese	Romanian	Turkish
Estonian	Kashubian	Romansh	Turkmen
Esperanto	Kinyarwanda	Sami	Tuvaluan
Faroese	Kirundi	Samoan	Uzbek
Fijian	Luba	Sango	Wallisian
Filipino	Latin	Scottish	Walloon
Finnish	Latvian	Serbian	Welsh
Flemish	Lithuanian	Sesotho	Xhosa
Frison	Luxembourgish	Seychellois	Zulu

ELEMENTARY PRINCIPLES OF USE

To buy or... By buying a typeface you support typeface designers who can dedicate the time necessary for the development of new typefaces (and you are of course enthusiastic at the idea of discovering and using them!)

Test! 205TF makes test typefaces available. Before downloading them from www.205.tf you must first register. These test versions are not complete and can only be used in models/mock ups. Their use in a commercial context is strictly prohibited.

Copy? By copying and illegally using typefaces, you jeopardise designers and kill their art. In the long term the result will be that you will only have Arial available to use in your compositions (and it would be well deserved!).

RESPONSIBILITY

205TF and the typeface designers represented by 205TF pay particular attention to the quality of the typographic design and the technical development of typefaces.

Each typeface has been tested on Macintosh and Windows, the most popular browsers (for webfonts) and on Adobe applications (InDesign, Illustrator, Photoshop) and Office (Word, Excel, Power point).

205TF can not guarantee their correct functioning when used with other operating system or software. 205TF can not be considered responsible for an eventual “crash” following the installation of a typeface obtained through the www.205.tf website.

REGULAR

Bonesana Regular

ITALIC

Bonesana Italic

CYRILLIC UPPERCASES

АБВГДЕЁЖЗИЙКЛМНОПРСТУФХ
ЦЧШЩЬЫЬЭЮЯЂЃЕСИЇЈЉЊЌЎЏГ

CYRILLIC LOWERCASES

абвгдеёжзийклмнопрстуфхцч
шщьыъэюяЂѓесиїјљњћќўџг

CYRILLIC SMALL CAPS

GREEK UPPERCASES

ΑΒΓΔΕΖΗΘΙΚΛΑΜΝΞΟΠΡΣΤΥΦΧΨΩ

GREEK LOWERCASES

αβγδεζηθικλμνξοπρστυφχψωσς

GREEK SMALL CAPS

ΑΒΓΔΕΖΗΘΙΚΛΑΜΝΞΟΠΡΣΤΥΦΧΨΩ

GREEK PUNCTUATION

',;.

GREEK STYLISTIC ALTERNATES

ϐϞѰѰӴՓዎ

SUPPLEMENTARY GLYPHS

- UPPERCASES

ӮԸՖԿՀՁԹԲԸԸԸԸԸ

- SMALL CAPS

ӮԸՖԿԹԲԸԸԸԸԸ

- LOWERCASES

ӮԸՏԿԽՁԹԲԸԸԸԸ

GREEK ACCENTED UPPERCASES

ӐӖҤѺӪѺѺѸѺѺѶѺ

GREEK ACCENTED LOWERCASES

ѧէնիօւնի՞ւ՞

GREEK ACCENTED SMALL CAPS

ՐԵ

OPENTYPE FEATURES

1. Automatically spaced capitals.
2. Punctuation is optically repositionning
- 3, 4. Specific small capitals whereas optically reduced capitals.
5. Specific glyphs in several languages.
- 6, 7, 8, 9. Specific superior and inferior glyphs.
- 10, 11. Proportional figures.
- 12, 13. Tabular figures, practical when the user needs alignment in columns.
14. Slashed zero to distinguish with letter O.
15. Standard ligatures automatically correct collision between two characters.
16. Smart ligatures.
17. Specific contextual glyphs.
18. Specific titling capitals.

	FEATURE OFF	FEATURE ON
1. FULL CAPS	Lacassagne	LACASSAGNE
2. CASE SENSITIVE FORMS	(Hôtel-Dieu)	(HÔTEL-DIEU)
3. SMALL CAPS	Caluire-et-Cuire	CALUIRE-ET-CUIRE
4. CAPS TO SMALL CAPS	CALUIRE-ET-CUIRE	CALUIRE-ET-CUIRE
5. LOCALIZED FORMS		
ROMANIAN...	Chișinău Galăți	Chișinău Galați
CATALAN	Paral·lel	Paral·lel
FRENCH	Il dit: «Ah!»	Il dit: «Ah!»
TURKISH...	lafi	lafi
SERBIAN	Субомиџа Београђ Соном	Судоњиџа Београд Соном
6. ORDINALS	No Nos no nos 1a 1o	No Nos no nos 1a 1o
7. AUTOMATIC FRACTIONS	1/4 1/2 3/4 889/60	1/4 1/2 3/4 889/60
8. SUPERIORS	Mr Mlle Dr 1er	Mr M ^{lle} Dr 1 ^{er}
9. INFERIORS	H ₂ O Fe ₃ O ₄	H ₂ O Fe ₃ O ₄
10. PROPORTIONAL LINING FIGURES	0123456789	0123456789
11. PROPORTIONAL OLD STYLE FIG.	0123456789	0123456789
12. TABULAR LINING FIGURES	0123456789	0123456789
13. TABULAR OLD STYLE FIG.	0123456789	0123456789
14. SLASHED ZERO	0 o 0 o	0 o 0 o
15. LIGATURES	Affiches siffle flight off	Affiches siffle flight off
16. DISCRETIONARY LIGATURES	Activiste esprit	Activiste esprit
17. CONTEXTUAL ALTERNATES	28x32mm 10x65mm	28×32mm 10×65mm
18. TITLING ALTERNATES	×	×

OPENTYPE FEATURES

The stylistic set function allows to access to specific signs which replace glyphs in the standard set.
A typeface can contain 20 stylistic sets.

	FEATURE OFF	FEATURE ON
STYLISTIC SET 01	ABCDEFGHIJKLMNOPQRSTUVWXYZ АБВГДЕЁЖЗИЙКЛ МНОПРСТУФХЦЧ ШЩЬЫЬЭЮЯ҆Г СІЇЛЬЊЌЎЦГ АВГДЕΖΗΘΙΚΛΜΝ ΞΟΠΡΣΤΥΦΧΨΩ ΑΕ'ΗΤ'Ο'Ω'Ү'Ї'Ӯ	ABCDEFGHIJKLMNOPQRSTUVWXYZ АБВГДЕЁЖЗИЙКЛ МНОПРСТУФХЦЧ ШЩЬЫЬЭЮЯ҆Г СІЇЛЬЊЌЎЦГ АВГДЕΖΗΘΙΚΛΜΝ ΞΟΠΡΣΤΥΦΧΨΩ ΑΕ'ΗΤ'Ο'Ω'Ү'Ї'Ӯ
STYLISTIC SET 02	-W -E -S -N -NW -NE -SE -SW	

56 PTS

Essi ne sacrificarono una parte per goderne il restante

32 PTS (REGULAR & ITALIC)

Essi ne *sacrificarono* una parte per goderne il restante con sicurezza e tranquillità. *La somma* di tutte queste porzioni di libertà *sacrificate* al bene di ciascheduno

24 PTS

Essi ne sacrificarono una parte per goderne il restante con sicurezza e tranquillità. La somma di tutte queste porzioni di libertà *sacrificate* al bene di ciascheduno forma la sovranità di una nazione, ed il sovrano

16 PTS

Essi ne sacrificarono una parte per goderne il restante con sicurezza e tranquillità. La somma di tutte queste porzioni di libertà *sacrificate* al bene di ciascheduno forma la sovranità di una nazione, ed il sovrano è il legittimo depositario ed amministratore di quelle; ma non bastava il formare questo deposito, bisognava difenderlo dalle private usurpazioni di ciascun uomo in particolare, il quale cerca sempre di togliere dal deposito non solo la propria porzione, ma usurparsi ancora quella

12 PTS (REGULAR & ITALIC & SMALLCAPS)

ESSI NE SACRIFICARONO una parte per goderne il restante con sicurezza e tranquillità. La somma di tutte queste porzioni di libertà sacrificate al bene di ciascheduno forma la sovranità di una nazione, ed il sovrano è il legittimo depositario ed amministratore di quelle; ma non bastava il formare questo deposito, bisognava difenderlo dalle private *usurpazioni* di ciascun uomo in particolare, il quale cerca sempre di togliere dal deposito non solo la propria porzione, ma usurparsi ancora quella degli altri. Vi volevano de' motivi sensibili che bastassero a distogliere il dispettico animo di ciascun uomo dal *risommergere* nell'antico caos le leggi della società. Questi motivi sensibili sono le pene stabilitate contro agli infrattori delle leggi. Dico sensibili motivi, perché la sferienza ha fatto vedere che la moltitudine non adotta stabili principii di condotta, né si allontana da quel principio universale di dissoluzione, che nell'universo fisico e morale si osserva, se non con motivi che immediatamente percuotono i sensi e che di continuo si affacciano alla mente per controbilanciare le forti *impressioni* delle passioni parziali che si oppongono al bene

10 PTS (REGULAR & ITALIC)

Essi ne sacrificarono una parte per goderne il restante con sicurezza e tranquillità. La somma di tutte queste porzioni di libertà sacrificate al bene di ciascheduno forma la sovranità di una nazione, ed il sovrano è il legittimo depositario ed amministratore di quelle; ma non bastava il formare questo deposito, bisognava difenderlo dalle private *usurpazioni* di ciascun uomo in particolare, il quale cerca sempre di togliere dal deposito non solo la propria porzione, ma usurparsi ancora quella degli altri. Vi volevano de' motivi sensibili che bastassero a distogliere il dispettico animo di ciascun uomo dal *risommergere* nell'antico caos le leggi della società. Questi motivi sensibili sono le pene stabilitate contro agli infrattori delle leggi. Dico sensibili motivi, perché la sferienza ha fatto vedere che la moltitudine non adotta stabili principii di condotta, né si allontana da quel principio universale di dissoluzione, che nell'universo fisico e morale si osserva, se non con motivi che immediatamente percuotono i sensi e che di continuo si affacciano alla mente per controbilanciare le forti *impressioni* delle passioni parziali che si oppongono al bene

universale di dissoluzione, che nell'universo fisico e morale si osserva, se non con motivi che immediatamente percuotono i sensi e che di continuo si affacciano alla mente per controbilanciare le forti impressioni delle passioni parziali *che si oppongono al bene universale: né l'eloquenza, né le declamazioni, nemmeno le più sublimi verità sono bastate a frenare per lungo tempo le passioni eccitate dalle vive percosse degli oggetti presenti.* Ogni pena che non deriva dall'asso luta necessità, dice il grande Montesquieu, è tirannica; proposizione che si può rendere più generale così: ogni atto di autorità di uomo a uomo che non deriva dall'assoluta necessità è tirannico. Ecco dunque sopra di che è fondato il diritto del sovrano di punire i delitti: sulla necessità di difendere il deposito della salute pubblica dalle usurpazioni particolari; e tanto più giuste sono le pene, quanto più sacre

8 PTS

Essi ne sacrificarono una parte per goderne il restante con sicurezza e tranquillità. La somma di tutte queste porzioni di libertà sacrificate al bene di ciascheduno forma la sovranità di una nazione, ed il sovrano è il legittimo depositario ed amministratore di quelle; ma non bastava il formare questo deposito, bisognava difenderlo dalle private *usurpazioni* di ciascun uomo in particolare, il quale cerca sempre di togliere dal deposito non solo la propria porzione, ma usurparsi ancora quella degli altri. Vi volevano de' motivi sensibili che bastassero a distogliere il dispettico animo di ciascun uomo dal *risommergere* nell'antico caos le leggi della società. Questi motivi sensibili sono le pene stabilitate contro agli infrattori delle leggi. Dico sensibili motivi, perché la sferienza ha fatto vedere che la moltitudine non adotta stabili principii di condotta, né si allontana da quel principio universale di dissoluzione, che nell'universo fisico e morale si osserva, se non con motivi che immediatamente percuotono i sensi e che di continuo si affacciano alla mente per controbilanciare le forti *impressioni* delle passioni parziali

che si oppongono al bene universale: né l'eloquenza, né le declamazioni, nemmeno le più sublimi verità sono bastate a frenare per lungo tempo le passioni eccitate dalle vive percosse degli oggetti presenti. Ogni pena che non deriva dall'asso luta necessità, dice il grande Montesquieu, è tirannica; proposizione che si può rendere più generale così: ogni atto di autorità di uomo a uomo che non deriva dall'assoluta necessità è tirannico. Ecco dunque sopra di che è fondato il diritto del sovrano di punire i delitti: sulla necessità di difendere il deposito della salute pubblica dalle usurpazioni particolari; e tanto più giuste sono le pene, quanto più sacre ed inviolabile è la sicurezza, e maggiore la libertà che il sovrano conserva ai sudditi. Consultiamo il cuore umano e in esso troveremo i principii fondamentali del vero diritto del sovrano di punire i delitti, poiché non è da sperarsi alcun vantaggio durevole dalla politica morale se essa non sia fondata sui sentimenti indelebili dell'uomo. Qualunque legge dev'essere di questi incontrerà sempre una resistenza contraria che vince alla fine, in quella maniera che una forza benché

6 PTS

Essi ne sacrificarono una parte per goderne il restante con sicurezza e tranquillità. La somma di tutte queste porzioni di libertà sacrificate al bene di ciascheduno forma la sovranità di una nazione, ed il sovrano è il legittimo depositario ed amministratore di quelle; ma non bastava il formare questo deposito, bisognava difenderlo dalle private *usurpazioni* di ciascun uomo in particolare, il quale cerca sempre di togliere dal deposito non solo la propria porzione, ma usurparsi ancora quella degli altri. Vi volevano de' motivi sensibili che bastassero a distogliere il dispettico animo di ciascun uomo dal *risommergere* nell'antico caos le leggi della società. Questi motivi sensibili sono le pene stabilitate contro agli infrattori delle leggi. Dico sensibili motivi, perché la sferienza ha fatto vedere che la moltitudine non adotta stabili principii di condotta, né si allontana da quel principio universale di dissoluzione, che nell'universo fisico e morale si osserva, se non con motivi che immediatamente percuotono i sensi e che di continuo si affacciano alla mente per controbilanciare le forti *impressioni* delle passioni parziali

che si oppongono al bene universale: né l'eloquenza, né le declamazioni, nemmeno le più sublimi verità sono bastate a frenare per lungo tempo le passioni eccitate dalle vive percosse degli oggetti presenti. Ogni pena che non deriva dall'asso luta necessità, dice il grande Montesquieu, è tirannica; proposizione che si può rendere più generale così: ogni atto di autorità di uomo a uomo che non deriva dall'assoluta necessità è tirannico. Ecco dunque sopra di che è fondato il diritto del sovrano di punire i delitti: sulla necessità di difendere il deposito della salute pubblica dalle usurpazioni particolari; e tanto più giuste sono le pene, quanto più sacre ed inviolabile è la sicurezza, e maggiore la libertà che il sovrano conserva ai sudditi. Consultiamo il cuore umano e in esso troveremo i principii fondamentali del vero diritto del sovrano di punire i delitti, poiché non è da sperarsi alcun vantaggio durevole dalla politica morale se essa non sia fondata sui sentimenti indelebili dell'uomo. Qualunque legge dev'essere di questi incontrerà sempre una resistenza contraria che vince alla fine, in quella maniera che una forza

56 PTS

Essi ne sacrificarono una parte per goderne il restante

32 PTS

Essi ne sacrificarono una parte per goderne il restante con sicurezza e tranquillità. La somma di tutte queste porzioni di libertà sacrificate

24 PTS

Essi ne sacrificarono una parte per goderne il restante con sicurezza e tranquillità. La somma di tutte queste porzioni di libertà sacrificate al bene di ciascheduno forma la sovranità di una nazione, ed il sovrano è il legittimo depositario ed amministratore

16 PTS

Essi ne sacrificarono una parte per goderne il restante con sicurezza e tranquillità. La somma di tutte queste porzioni di libertà sacrificate al bene di ciascheduno forma la sovranità di una nazione, ed il sovrano è il legittimo depositario ed amministratore di quelle; ma non bastava il formare questo deposito, bisognava difenderlo dalle private usurpazioni di ciascun uomo in particolare, il quale cerca sempre di togliere dal deposito non solo la propria porzione, ma usurparsi ancora

12 PTS

Essi ne sacrificarono una parte per goderne il restante con sicurezza e tranquillità. La somma di tutte queste porzioni di libertà sacrificate al bene di ciascheduno forma la sovranità di una nazione, ed il sovrano è il legittimo depositario ed amministratore di quelle; ma non bastava il formare questo deposito, bisognava difenderlo dalle private usurpazioni di ciascun uomo in particolare, il quale cerca sempre di togliere dal deposito non solo la propria porzione, ma usurparsi ancora quella degli altri. Vi volevano de' motivi sensibili che bastassero a distogliere il despotico animo di ciascun uomo dal risommergere nell'antico caos le leggi della società. Questi motivi sensibili sono le pene stabilitate contro agli infrattori delle leggi. Dico sensibili motivi, perché la sferienza ha fatto vedere che la moltitudine non adotta stabili principii di condotta, né si allontana da quel principio universale di dissoluzione, che nell'universo fisico e morale si osserva, se non con motivi che immediatamente percuotono i sensi e che di continuo si affacciano alla mente per controbilanciare le forti impressioni delle passioni parziali che si oppongono al

10 PTS

Essi ne sacrificarono una parte per goderne il restante con sicurezza e tranquillità. La somma di tutte queste porzioni di libertà sacrificate al bene di ciascheduno forma la sovranità di una nazione, ed il sovrano è il legittimo depositario ed amministratore di quelle; ma non bastava il formare questo deposito, bisognava difenderlo dalle private usurpazioni di ciascun uomo in particolare, il quale cerca sempre di togliere dal deposito non solo la propria porzione, ma usurparsi ancora quella degli altri. Vi volevano de' motivi sensibili che bastassero a distogliere il despotico animo di ciascun uomo dal risommergere nell'antico caos le leggi della società. Questi motivi sensibili sono le pene stabilitate contro agli infrattori delle leggi. Dico sensibili motivi, perché la sferienza ha fatto vedere che la moltitudine non adotta stabili principii di condotta, né si allontana da quel principio universale di dissoluzione, che nell'universo fisico e morale si osserva, se non con motivi che immediatamente percuotono i sensi e che di continuo si affacciano alla mente per controbilanciare le forti impressioni delle passioni parziali che si oppongono al

universale di dissoluzione, che nell'universo fisico e morale si osserva, se non con motivi che immediatamente percuotono i sensi e che di continuo si affacciano alla mente per controbilanciare le forti impressioni delle passioni parziali che si oppongono al bene universale: né l'eloquenza, né le declamazioni, nemmeno le più sublimi verità sono bastate a frenare per lungo tempo le passioni eccitate dalle vive percosse degli oggetti presenti. Ogni pena che non derivi dall'asso luta necessità, dice il grande Montesquieu, è tirannica; proposizione che si può rendere più generale così: ogni atto di autorità di uomo a uomo che non derivi dall'assoluta necessità è tirannico. Ecco dunque sopra di che è fondato il diritto del sovrano di punire i delitti: sulla necessità di difendere il deposito della salute pubblica dalle usurpazioni particolari; e tanto più giuste sono le pene, quanto più sacra ed inviolabile è la sicurezza, e maggiore la libertà che il sovrano conserva ai sudditi. Consultiamo il cuore umano e in esso troveremo i principii fondamentali del vero diritto del sovrano di punire i delitti, poiché non è da sperarsi alcun vantaggio durevole dalla politica morale se ella non sia fondata su i sentimenti indelebili dell'uomo. Qualunque legge devii da questi incontrerà sempre una residenza contraria che vince alla fine, in quella maniera che una forza benché minima, se sia continuamente

8 PTS

Essi ne sacrificarono una parte per goderne il restante con sicurezza e tranquillità. La somma di tutte queste porzioni di libertà sacrificate al bene di ciascheduno forma la sovranità di una nazione, ed il sovrano è il legittimo depositario ed amministratore di quelle; ma non bastava il formare questo deposito, bisognava difenderlo dalle private usurpazioni di ciascun uomo in particolare, il quale cerca sempre di togliere dal deposito non solo la propria porzione, ma usurparsi ancora quella degli altri. Vi volevano de' motivi sensibili che bastassero a distogliere il despotico animo di ciascun uomo dal risommergere nell'antico caos le leggi della società. Questi motivi sensibili sono le pene stabilitate contro agli infrattori delle leggi. Dico sensibili motivi, perché la sferienza ha fatto vedere che la moltitudine non adotta stabili principii di condotta, né si allontana da quel principio universale di dissoluzione, che nell'universo fisico e morale si osserva, se non con motivi che immediatamente percuotono i sensi e che di continuo si affacciano alla mente per controbilanciare le forti impressioni delle passioni parziali che si oppongono al

al bene universale: né l'eloquenza, né le declamazioni, nemmeno le più sublimi verità sono bastate a frenare per lungo tempo le passioni eccitate dalle vive percosse degli oggetti presenti. Ogni pena che non derivi dall'asso luta necessità, dice il grande Montesquieu, è tirannica; proposizione che si può rendere più generale così: ogni atto di autorità di uomo a uomo che non derivi dall'assoluta necessità è tirannico. Ecco dunque sopra di che è fondato il diritto del sovrano di punire i delitti: sulla necessità di difendere il deposito della salute pubblica dalle usurpazioni particolari; e tanto più giuste sono le pene, quanto più sacra ed inviolabile è la sicurezza, e maggiore la libertà che il sovrano conserva ai sudditi. Consultiamo il cuore umano e in esso troveremo i principii fondamentali del vero diritto del sovrano di punire i delitti, poiché non è da sperarsi alcun vantaggio durevole dalla politica morale se ella non sia fondata su i sentimenti indelebili dell'uomo. Qualunque legge devii da questi incontrerà sempre una residenza contraria che vince alla fine, in quella maniera che una forza benché minima, se sia continuamente

6 PTS

Essi ne sacrificarono una parte per goderne il restante con sicurezza e tranquillità. La somma di tutte queste porzioni di libertà sacrificate al bene di ciascheduno forma la sovranità di una nazione, ed il sovrano è il legittimo depositario ed amministratore di quelle; ma non bastava il formare questo deposito, bisognava difenderlo dalle private usurpazioni di ciascun uomo in particolare, il quale cerca sempre di togliere dal deposito non solo la propria porzione, ma usurparsi ancora quella degli altri. Vi volevano de' motivi sensibili che bastassero a distogliere il despotico animo di ciascun uomo dal risommergere nell'antico caos le leggi della società. Questi motivi sensibili sono le pene stabilitate contro agli infrattori delle leggi. Dico sensibili motivi, perché la sferienza ha fatto vedere che la moltitudine non adotta stabili principii di condotta, né si allontana da quel principio universale di dissoluzione, che nell'universo fisico e morale si osserva, se non con motivi che immediatamente percuotono i sensi e che di continuo si affacciano alla mente per controbilanciare le forti impressioni delle passioni parziali che si oppongono al

si oppongono al bene universale: né l'eloquenza, né le declamazioni, nemmeno le più sublimi verità sono bastate a frenare per lungo tempo le passioni eccitate dalle vive percosse degli oggetti presenti. Ogni pena che non derivi dall'asso luta necessità, dice il grande Montesquieu, è tirannica; proposizione che si può rendere più generale così: ogni atto di autorità di uomo a uomo che non derivi dall'assoluta necessità è tirannico. Ecco dunque sopra di che è fondato il diritto del sovrano di punire i delitti: sulla necessità di difendere il deposito della salute pubblica dalle usurpazioni particolari; e tanto più giuste sono le pene, quanto più sacra ed inviolabile è la sicurezza, e maggiore la libertà che il sovrano conserva ai sudditi. Consultiamo il cuore umano e in esso troveremo i principii fondamentali del vero diritto del sovrano di punire i delitti, poiché non è da sperarsi alcun vantaggio durevole dalla politica morale se ella non sia fondata su i sentimenti indelebili dell'uomo. Qualunque legge devii da questi incontrerà sempre una residenza contraria che vince alla fine, in quella maniera che una forza benché minima,

56 PTS

ESSI NE SACRIFICARONO UNA PARTE PER

32 PTS

ESSI NE SACRIFICARONO UNA PARTE PER GODERNE IL RESTANTE CON SICUREZZA E TRANQUILLITÀ. LA SOMMA DI TUTTE QUESTE PORZIONI

24 PTS (REGULAR SS01 & ITALIC SS02)

ESSI NE SACRIFICARONO UNA PARTE PER GODERNE IL RESTANTE CON SICUREZZA E TRANQUILLITÀ. LA SOMMA DI TUTTE QUESTE PORZIONI DI LIBERTÀ SACRIFICATE AL BENE DI

16 PTS

ESSI NE SACRIFICARONO UNA PARTE PER GODERNE IL RESTANTE CON SICUREZZA E TRANQUILLITÀ. LA SOMMA DI TUTTE QUESTE PORZIONI DI LIBERTÀ SACRIFICATE AL BENE DI CIASCHEDUNO FORMA LA SOVRANITÀ DI UNA NAZIONE, ED IL SOVRANO È IL LEGITTIMO DEPOSITARIO ED AMMINISTRATORE DI QUELLE; MA NON BASTAVA IL FORMARE QUESTO DEPOSITO, BISOGNAVA DIFENDERLO

56 PTS

Ζούσε στη Βεστφαλία, στον πύργο του κυρίου

32 PTS

Ζούσε στη Βεστφαλία, στον πύργο του κυρίου βαρώνου Τούντερ-τεντρονκ, ένας νέος που η φύση τούχε δώσει το μαλακώτερο χαρακτήρα. Η φυσιογνωμία του φανέρωνε την

24 PTS

Ζούσε στη Βεστφαλία, στον πύργο του κυρίου βαρώνου Τούντερ-τεντρονκ, ένας νέος που η φύση τούχε δώσει το μαλακώτερο χαρακτήρα. Η φυσιογνωμία του φανέρωνε την ψυχή του. Η κρίσις του ήτανε πολύ σωστή και το πνεύμα

16 PTS

Ζούσε στη Βεστφαλία, στον πύργο του κυρίου βαρώνου Τούντερ-τεντρονκ, ένας νέος που η φύση τούχε δώσει το μαλακώτερο χαρακτήρα. Η φυσιογνωμία του φανέρωνε την ψυχή του. Η κρίσις του ήτανε πολύ σωστή και το πνεύμα του πολύ απλό: γι αυτόν το λόγο, νομίζω, τον ανόμα-σαν Αγαθούλη. Οι παλιοί υπηρέτες του σπιτιού είχαν την υποψία, πως ήτανε γυιός της αδελφής του κυρίου βαρώνου κ' ενός τιμίου ευπατρίδη από τα περίχωρα, που η δεσποινίς αυτή δε δέχτηκε ποτές να

56 PTS

Ζούσε στη Βεστφαλία, στον πύργο του κυρίου βαρώνου

32 PTS

Ζούσε στη Βεστφαλία, στον πύργο του κυρίου βαρώνου Τούντερ-τεντρονκ, ένας νέος που η φύση τούχε δώσει το μαλακώτερο χαρακτήρα. Η φυσιογνωμία του φανέρωνε την

24 PTS

Ζούσε στη Βεστφαλία, στον πύργο του κυρίου βαρώνου Τούντερ-τεντρονκ, ένας νέος που η φύση τούχε δώσει το μαλακώτερο χαρακτήρα. Η φυσιογνωμία του φανέρωνε την ψυχή του. Η κρίσις του ήταν πολύ σωστή και το πνεύμα

16 PTS

Ζούσε στη Βεστφαλία, στον πύργο του κυρίου βαρώνου Τούντερ-τεντρονκ, ένας νέος που η φύση τούχε δώσει το μαλακώτερο χαρακτήρα. Η φυσιογνωμία του φανέρωνε την ψυχή του. Η κρίσις του ήταν πολύ σωστή και το πνεύμα του πολύ απλό: γι αυτόν το λόγο, νομίζω, τον ανόμα-σαν Αγαθούλη. Οι παλιοί υπηρέτες του σπιτιού είχαν την υποψία, πως ήταν γνιός της αδελφής του κυρίου βαρώνου κ' ενός τιμίου ευπατρίδη από τα περίχωρα, που η δεσποινίς αυτή δε δέχτηκε ποτές να τον παντρευτή, γιατί,

56 PTS

ΖΟΥΣΕ ΣΤΗ
ΒΕΣΤΦΑΛΙΑ,
ΣΤΟΝ ΠΥΡΓΟ

32 PTS

ΖΟΥΣΕ ΣΤΗ ΒΕΣΤΦΑΛΙΑ,
ΣΤΟΝ ΠΥΡΓΟ ΤΟΥ ΚΥΡΙΟΥ
ΒΑΡΩΝΟΥ ΤΟΥΝΤΕΡ-ΤΕΝ-
ΤΡΟΝΚ, ΕΝΑΣ ΝΕΟΣ ΠΟΥ

24 PTS

ΖΟΥΣΕ ΣΤΗ ΒΕΣΤΦΑΛΙΑ, ΣΤΟΝ ΠΥΡΓΟ
ΤΟΥ ΚΥΡΙΟΥ ΒΑΡΩΝΟΥ ΤΟΥΝΤΕΡ-ΤΕΝ-
ΤΡΟΝΚ, ΕΝΑΣ ΝΕΟΣ ΠΟΥ Η ΦΥΣΗ
ΤΟΥΧΕ ΔΩΣΕΙ ΤΟ ΜΑΛΑΚΩΤΕΡΟ
ΧΑΡΑΚΤΗΡΑ. Η ΦΥΣΙΟΓΝΩΜΙΑ ΤΟΥ

16 PTS

ΖΟΥΣΕ ΣΤΗ ΒΕΣΤΦΑΛΙΑ, ΣΤΟΝ ΠΥΡΓΟ ΤΟΥ ΚΥΡΙΟΥ ΒΑΡΩΝΟΥ ΤΟΥΝΤΕΡ-ΤΕΝ-
ΤΡΟΝΚ, ΕΝΑΣ ΝΕΟΣ ΠΟΥ Η ΦΥΣΗ ΤΟΥΧΕ ΔΩΣΕΙ ΤΟ ΜΑΛΑΚΩΤΕΡΟ ΧΑΡΑΚΤΗΡΑ.
Η ΦΥΣΙΟΓΝΩΜΙΑ ΤΟΥ ΦΑΝΕΡΩΝΕ ΤΗΝ ΨΥΧΗ ΤΟΥ. Η ΚΡΙΣΙΣ ΤΟΥ ΉΤΑΝ ΠΟΛΥ ΣΩΣΤΗ
ΚΑΙ ΤΟ ΠΝΕΥΜΑ ΤΟΥ ΠΟΛΥ ΑΠΛΟ: ΓΙΑΥΤΟΝ ΤΟ ΛΟΓΟ, ΝΟΜΙΖΩ, ΤΟΝ ΩΝΟΜΑ-ΣΑΝ
ΑΓΑΘΟΥΛΗ. ΟΙ ΠΑΛΙΟΙ ΥΠΗΡΕΤΕΣ ΤΟΥ ΣΠΙΤΙΟΥ ΕΙΧΑΝ ΤΗΝ ΥΠΟΨΙΑ, ΠΩΣ ΉΤΑΝ
ΓΥΙΟΣ ΤΗΣ ΑΔΕΛΦΗΣ ΤΟΥ ΚΥΡΙΟΥ ΒΑΡΩΝΟΥ Κ' ΕΝΟΣ ΤΙΜΙΟΥ ΕΥΠΑΤΡΙΔΗ ΑΠΟ ΤΑ
ΠΕΡΙΧΩΡΑ, ΠΟΥ Η ΔΕΣΠΟΙΝΙΣ ΑΥΤΗ ΔΕ ΔΕΞΤΗΚΕ ΠΟΤΕΣ ΝΑ ΤΟΝ ΠΑΝΤΡΕΥΤΗ,
ΓΙΑΤΙ, ΔΕ ΜΠΟΡΟΥΣΕ ΝΑ ΔΕΙΕΕΙ ΠΕΡΙΣΣΟΤΕΡΕΣ ΑΠΟ ΕΒΔΟΜΗΝΤΑ ΜΙΑ ΓΕΝΝΙΕΣ,
ΕΝΩ ΤΟ ΥΠΟΛΟΙΠΟ ΤΟΥ ΓΕΝΝΕΑΛΟΓΙΚΟΥ ΤΟΥ ΔΕΝΔΡΟΥ ΧΑΝΟΤΑΝΕ ΜΕΣΑ ΣΤΟ
ΑΙΣΧΟΣ ΤΟΥ ΧΡΟΝΟΥ. Ο ΚΥΡΙΟΣ ΒΑΡΩΝΟΣ ΉΤΑΝ ΕΝΑΣ ΑΠΟ ΤΟΥΣ ΔΥΝΑΤΩΤΕΡΟΥΣ
ΑΡΧΟΝΤΕΣ ΤΗΣ

56 PTS

Что бы разум и сердце произвести ни захотели, тебе

32 PTS

Что бы разум и сердце
произвести ни захотели, тебе
оно, о! сочувственник мой,
посвящено да будет. Хотя
мнения мои о многих вещах

24 PTS

Что бы разум и сердце произвести ни
захотели, тебе оно, о! сочувственник мой,
посвящено да будет. Хотя мнения мои
о многих вещах различествуют с твоими,
но сердце твое бьет моему согласно – и ты

16 PTS

Что бы разум и сердце произвести ни захотели, тебе оно, о!
сочувственник мой, посвящено да будет. Хотя мнения мои о
многих вещах различествуют с твоими, но сердце твое бьет моему
согласно – и ты мой друг. Я взглянул окрест меня – душа моя
страданиями человечества уязвленна стала. Обратил взоры мои во
внутренность мою – и узрел, что бедствия человека происходят от
человека, и часто от того только, что он взирает непрямо на

12 PTS

Что бы разум и сердце произвести ни захотели, тебе оно, о! сочувственник мой, посвящено да будет. Хотя мнения мои о многих вещах различствуют с твоими, но сердце твое бьет моему согласно – и ты мой друг. Я взглянул окрест меня – душа моя страданиями человечества уязвленна стала. Обратил взоры мои во внутренность мою – и узрел, что бедствия человека происходят от человека, и часто от того только, что он взирает непрямо на окружающие его пред меты. Ужели, вещал я сам себе, природа толико скуча была к своим чадам, что от блудящего невинно сокр истину навеки? Ужели сия грозная мачеха произвела нас для того, чтобы чувствовали мы бедствия, а блаженство николи? Разум мой вострепетал от сея мысли, и сердце мое далеко ее от себя оттолкнуло. Я человеку нашел утешителя в нем самом. “Отыми завесу с очей природного чувствования – и блажен буду.” Сей глас природы раздавался громко в сложении моем. Воспрянул я от уныния моего, в которое повергли меня чувствительность и сострадание; я ощутил в себе довольно сил,

10 PTS

Что бы разум и сердце произвести ни захотели, тебе оно, о! сочувственник мой, посвящено да будет. Хотя мнения мои о многих вещах различствуют с твоими, но сердце твое бьет моему согласно – и ты мой друг. Я взглянул окрест меня – душа моя страданиями человечества уязвленна стала. Обратил взоры мои во внутренность мою – и узрел, что бедствия человека происходят от человека, и часто от того только, что он взирает непрямо на окружающие его пред меты. Ужели, вещал я сам себе, природа толико скуча была к своим чадам, что от блудящего невинно сокр истину навеки? Ужели сия грозная мачеха произвела нас для того, чтобы чувствовали мы бедствия, а блаженство николи? Разум мой вострепетал от сея мысли, и сердце мое далеко ее от себя оттолкнуло.

Я человеку нашел утешителя в нем самом. “Отыми завесу с очей природного чувствования – и блажен буду.” Сей глас природы раздавался громко в сложении моем. Воспрянул я от уныния моего, в которое повергли меня чувствительность и сострадание; я ощутил в себе довольно сил, чтобы противиться заблуждению; и – веселье неизреченное! – я почувствовал, что возможно всякому соучастнику быть во благодеянии себе подобных. Се мысль, побудившая меня начертать, что читать будешь. Но если, говорил я сам себе, я найду кого-либо, кто намерение мое одобрят; кто ради благой цели не опорочит неудачное изображение мысли; кто сострахует со мною над бедствиями собратий своей; кто в шествии моем меня подкрепит, – не сугубый ли плод произойдет от подъятого мною труда? Почто, почто мне искать далеко кого-либо? Мой друг! Ты близ моего сердца живешь – и имя твое да озарит сие начало. Отужинав с моими друзьями, я лег в кибитку. Ямщик, по обыкновению своему, поскакал во всю лошадиную мочь, и в несколько минут я был уже за городом. Расставаться трудно хотя на малое время с тем, кто нам нужен стал на всякую минуту бытия нашего. Расставаться трудно; но блажен тот, кто расстаться может не улыбаясь; любовь или дружба стрегут его, утешение. Ты плачешь, произносиша

8 PTS

Что бы разум и сердце произвести ни захотели, тебе оно, о! сочувственник мой, посвящено да будет. Хотя мнения мои о многих вещах различствуют с твоими, но сердце твое бьет моему согласно – и ты мой друг. Я взглянул окрест меня – душа моя страданиями человечества уязвленна стала. Обратил взоры мои во внутренность мою – и узрел, что бедствия человека происходят от человека, и часто от того только, что он взирает непрямо на окружающие его пред меты. Ужели, вещал я сам себе, природа толико скуча была к своим чадам, что от блудящего невинно сокр истину навеки? Ужели сия грозная мачеха произвела нас для того, чтобы чувствовали мы бедствия, а блаженство николи? Разум мой вострепетал от сея мысли, и сердце мое далеко ее от себя оттолкнуло. Я человеку нашел утешителя в нем самом. “Отыми завесу с очей природного чувствования – и блажен буду.” Сей глас природы раздавался громко в сложении моем. Воспрянул я от уныния моего, в которое повергли меня чувствительность и сострадание; я ощутил в себе довольно сил, чтобы противиться заблуждению; и – веселье неизреченное! – я почувствовал,

в себе довольно сил, чтобы противиться заблуждению; и – веселье неизреченное! – я почувствовал, что возможно всякому соучастнику быть во благодеянии себе подобных. Се мысль, побудившая меня начертать, что читать будешь. Но если, говорил я сам себе, я найду кого-либо, кто намерение мое одобрят; кто ради благой цели не опорочит неудачное изображение мысли; кто сострахует со мною над бедствиями собратий своей; кто в шествии моем меня подкрепит, – не сугубый ли плод произойдет от подъятого мною труда? Почто, почто мне искать далеко кого-либо? Мой друг! Ты близ моего сердца живешь – и имя твое да озарит сие начало. Отужинав с моими друзьями, я лег в кибитку. Ямщик, по обыкновению своему, поскакал во всю лошадиную мочь, и в несколько минут я был уже за городом. Расставаться трудно хотя на малое время с тем, кто нам нужен стал на всякую минуту бытия нашего. Расставаться трудно; но блажен тот, кто расстаться может не улыбаясь; любовь или дружба стрегут его, утешение. Ты плачешь, произносиша

8 PTS

Что бы разум и сердце произвести ни захотели, тебе оно, о! сочувственник мой, посвящено да будет. Хотя мнения мои о многих вещах различствуют с твоими, но сердце твое бьет моему согласно – и ты мой друг. Я взглянул окрест меня – душа моя страданиями человечества уязвленна стала. Обратил взоры мои во внутренность мою – и узрел, что бедствия человека происходят от человека, и часто от того только, что он взирает непрямо на окружающие его пред меты. Ужели, вещал я сам себе, природа толико скуча была к своим чадам, что от блудящего невинно сокр истину навеки? Ужели сия грозная мачеха произвела нас для того, чтобы чувствовали мы бедствия, а блаженство николи? Разум мой вострепетал от сея мысли, и сердце мое далеко ее от себя оттолкнуло. Я человеку нашел утешителя в нем самом. “Отыми завесу с очей природного чувствования – и блажен буду.” Сей глас природы раздавался громко в сложении моем. Воспрянул я от уныния моего, в которое повергли меня чувствительность и сострадание; я ощутил в себе довольно сил, чтобы противиться заблуждению; и – веселье неизреченное! – я почувствовал, что возможно всякому соучастнику быть во благодеянии себе подобных. Се мысль,

побудившая меня начертать, что читать будешь. Но если, говорил я сам себе, я найду кого-либо, кто намерение мое одобрят; кто ради благой цели не опорочит неудачное изображение мысли; кто сострахует со мною над бедствиями собратий своей; кто в шествии моем меня подкрепит, – не сугубый ли плод произойдет от подъятого мною труда? Почто, почто мне искать далеко кого-либо? Мой друг! Ты близ моего сердца живешь – и имя твое да озарит сие начало. Отужинав с моими друзьями, я лег в кибитку. Ямщик, по обыкновению своему, поскакал во всю лошадиную мочь, и в несколько минут я был уже за городом. Расставаться трудно хотя на малое время с тем, кто нам нужен стал на всякую минуту бытия нашего. Расставаться трудно; но блажен тот, кто расстаться может не улыбаясь; любовь или дружба стрегут его, утешение. Ты плачешь, произносиша

56 PTS

*Что бы разум и
сердце произвести
ни захотели, тебе*

32 PTS

*Что бы разум и сердце
произвести ни захотели, тебе
оно, о! сочувственник мой,
посвящено да будет. Хотя
мнения мои о многих вещах*

24 PTS

*Что бы разум и сердце произвести ни
захотели, тебе оно, о! сочувственник мой,
посвящено да будет. Хотя мнения мои
о многих вещах различествуют с твоими,
но сердце твое бьет моему согласно – и ты*

16 PTS

*Что бы разум и сердце произвести ни захотели, тебе оно, о!
сочувственник мой, посвящено да будет. Хотя мнения мои о
многих вещах различествуют с твоими, но сердце твое бьет
моему согласно – и ты мой друг. Я взглянул окрест меня – душа
моя страданиями человечества уязвленна стала. Обратил взоры
мои во внутренность мою – и узрел, что бедствия человека
происходят от человека, и часто от того только, что он взирает*

Что бы разум и сердце произвести ни захотели, тебе оно, о! сочувственник мой, посвящено да будет. Хотя мнения мои о многих вещах различствуют с твоими, но сердце твое бьет моему согласно – и ты мой друг. Я взглянул окрест меня – душа моя страданиями человечества уязвленна стала. Обратил взоры мои во внутренность мою – и узрел, что бедствия человека происходят от человека, и часто от того только, что он взирает непрямо на окружающие его пред меты. Ужели, вещал я сам себе, природа толико скуча была к своим чадам, что от блудящего невинно скроп истину навеки? Ужели сия грозная маечеха произвела нас для того, чтоб чувствовали мы бедствия, а блаженство николи? Разум мой восстреметал от сея мысли, и сердце мое далеко ее от себя оттолкнуло. Я человеку нашел утешителя в нем самом. “Отыми завесу с очей природного чувствования – и блажен буду.” Сей глас природы раздавался громко в сложении моем. Воспрянул я от уныния моего, в которое повергли меня чувствительность и сострадание; я ощущил все же

10 PTS

Что бы разум и сердце произвести ни захотели, тебе оно, о! сочувственник мой, посвящено да будет. Хотя мнения мои о многих вещах различствуют с твоими, но сердце твое бьет моему согласно – и ты мой друг. Я взглянул окрест меня – душа моя страданиями человечества уязвленна стала. Обратил взоры мои во внутренность мою – и узрел, что бедствия человека происходят от человека, и часто от того только, что он взирает непрямно на окружающие его пред меты. Ужели, вещал я сам себе, природа толико скуча была к своим чадам, что от блудящего невинного скрь истину навеки? Ужели сия грозная мачеха произвела нас для того, чтоб чувствовали мы бедствия, а блаженство николи? Разум мой вострепетал от сея мысли, и сердце мое далеко ее от себя оттолкну-

ло. Я человеку нашел утешителя в нем самом. “Отыми завесу с очей природного чувствования – и блажен буду.” Сей глас природы раздавался громко в сложении моем. Воспрянул я от уныния моего, в которое повергли меня чувствительность и сострадание; я ощущил в себе довольно сил, чтобы противиться заблуждению; и – веселье неизреченное! – я почувствовал, что возможно всякому соучастником быть во благоденствии себе подобных. Се мысль, побудившая меня начертать, что читать будешь. Но если, говорил я сам себе, я найду кого-либо, кто намерение мое одобрят; кто ради благой цели не опорочит неудачное изображение мысли; кто состраждет со мною над бедствиями собратий своей; кто в шествии моем меня подкрепит, – не сугубый ли плод произой-

8 PTS

Что бы разум и сердце произвести ни захотели, тебе оно, об сочувственник мой, посвящено да будет. Хотя мнения мои о многих вещах различствуют с твоими, но сердце твое бьет моему согласно – и ты мой друг. Я взглянул окрест меня – душа моя страданиями человечества уязвленна стала. Обратил взоры мои во внутренность мою – и узрел, что бедствия человека происходят от человека, и часто от того только, что он взирает непрямо на окружающие его пред меты. Ужесли, вещая я сам себе, природа толико скуча была к своим чадам, что от блудящего невинно скрытину навеки? Ужесли сия грозная мачеха произвела нас для того, чтоб чувствовали мы бедствия, а блаженство николи? Разум мой восстремтал от ся мысли, и сердце мое далеко ее от себя оттолкнуло. Я человеку нашел утешителя в нем самом. “Отмыши завесу с очей природного чувствования – и блажен буду.” Сей глас природы раздавался громко в сложении моем. Воспрянул я от уныния моего, в которое повергли меня чувствительность и

сострадание; я ощущал в себе довольно сил, чтобы противиться заблуждению; и – веселье неизреченное! – я почувствовал, что возможно всякому соучастником быть во благодеянии себе подобных. Се мысль, побудившая меня начертать, что читать будешь. Но если, говорил я сам себе, я найду кого-либо, кто намерение мое одобрят; кто ради благой цели не опорочит неудачное изображение мысли; кто состраховет со мною над бедствиями собратий своей; кто в шествии моем меня подкрепит, – не сугубый ли плод произойдет от подъятого мною труда? Потому, потому мне искать далеко кого-либо? Мой друг! Ты близ моего сердца живешь – и имя твое да озарит сие начало. Отужинав с моими друзьями, я лег в кибитку. Ямщик, по обыкновению своему, поскакал во всю лошадиную мочь, и в несколько минут я был уже за городом. Расставаться трудно хотя на малое время с тем, кто нам нужен стал на всякую минуту бытия нашего. Расставаться трудно; но блажен тот, кто расстаться может не улыбаясь;

6PTS

Что бы разум и сердце произвести ни захотели, тебе оно, о! сочувственник мой, посвящено да будет. Хотя мнения мои о многих вещах различствуются с твоими, но сердце твое бьет моему согласно – и ты мой друг. Я взглянул окрест меня – душа моя страдала и нужды человечества уязвлены стала. Обратил взоры мои во внутренности мою – и узрел, что недостатки человека происходят от человека, и часто от того только, что он взыщет неправо на окружающие его предметы. Ужели, веял я сам себе, природа толпой скупа была к своим чадам, что от блудного невинны скопр истину навеки? Умысли свирепая змея произвела нас для того, чтобы чувствовали мы недостатки, а блаженство николи? Разум мой вострепател от сея мысли, и сердце мое далеко ее от себя оттолкнуло. Я человеку нашел утешителя в нем самом. “Отмыши завесу с очей природного чувствования – и блажен буду.” Сей глас природы раздавался громко в сложении моем. Вострянула я от умыния моего, в котором повергли меня чувствительность и сострадание; я ощущала в себе довольно сил, чтобы противиться заблуждению; и – велесие неизреченное! – я почувствовал, что возможно всякому сочувственнику быть во благодарствии себе подобным. Се

мысль, побудившая меня начертать, что читать будешь. Но если, говорил я сам себе, я найду кого-либо, кто наимерение мое одобрят; кто ради благой цели не оторочит неудачное изображение мысли; кто сострахует с мою над бедствиями собратья своей; кто в шествии моем подкрепит, – не сузубый ли плод произойдет от подвигового мною труда? Потому, почто мне искать далеко кого-либо? Мой друг! Ты близ моего сердца живешь – и имя твое да озарят сие начало. Отужинав с моими друзьями, я лег в кабинетку. Явились, по обыкновению своему, поскакал во всю ладоньную мочь, и в несколько минут я был уже за городом. Расставаться трудно хотя на малое время с тем, кто нам нужен стал на всякую минуту бытия нашего. Расставаться трудно; но блажен тот, кто расставаться может не ульябся; любовь или дружба спреют его, утешение. Ты плачешь, произнося прости; но воспомни о возвращении твоем, и да исчезнут слезы твои при сем воображении, яко роса пред лицом солнца. Блажен взорывающий, надеясь на утешителья; блажен живущий иногда в будущем; блажен живущий в мечтании. Существо его усугубляется, веселое множатся, и спокойствие упреждает нахмуренность грусти, рас-

56 PTS

ЧТО БЫ РАЗУМ И СЕРДЦЕ ПРОИЗВЕСТИ

32 PTS

ЧТО БЫ РАЗУМ И СЕРДЦЕ
ПРОИЗВЕСТИ НИ
ЗАХОТЕЛИ, ТЕБЕ ОНО, О!
СОЧУВСТВЕННИК МОЙ,
ПОСВЯЩЕНО ДА БУДЕТ.

24 PTS

ЧТО БЫ РАЗУМ И СЕРДЦЕ
ПРОИЗВЕСТИ НИ ЗАХОТЕЛИ, ТЕБЕ
ОНО, О! СОЧУВСТВЕННИК МОЙ,
ПОСВЯЩЕНО ДА БУДЕТ. ХОТЯ
МНЕНИЯ МОИ О МНОГИХ ВЕЩАХ

16 PTS

ЧТО БЫ РАЗУМ И СЕРДЦЕ ПРОИЗВЕСТИ НИ ЗАХОТЕЛИ,
ТЕБЕ ОНО, О! СОЧУВСТВЕННИК МОЙ, ПОСВЯЩЕНО
ДА БУДЕТ. ХОТЯ МНЕНИЯ МОИ О МНОГИХ ВЕЩАХ
РАЗЛИЧЕСТВУЮТ С ТВОИМИ, НО СЕРДЦЕ ТВОЕ БЬЕТ
МОЕМУ СОГЛАСНО – И ТЫ МОЙ ДРУГ. Я ВЗГЛЯНУЛ ОКРЕСТЬ
МЕНЯ – ДУША МОЯ СТРАДАНИЯМИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА
УЯЗВЛЕННА СТАЛА. ОБРАТИЛ ВЗОРЫ МОИ ВО ВНУТРЕН-
НОСТЬ МОЮ – И УЗРЕЛ, ЧТО БЕДСТВИЯ ЧЕЛОВЕКА

CAUTION

In order to protect the work of the typeface designer,
this pdf file is locked.
205TF will initiate legal action against anyone unlocking this pdf.

CONTACT

205 Corp.
24, rue Commandant-Faurax
69006 Lyon
France

T. +33 (0)4 37 47 85 69
contact@205.tf

SAS 205 Corp.
SIRET 522 580 430 00026
TVA Intra FR-45522580430

COPYRIGHT

205TF is a trademark of 205 Corp.